

Х у д о ж н и к т е а т р а

Гремят мажорные звуки увертюры к опере «Айдар и Айша». Открывается занавес — и в зале раздаются дружные аплодисменты. Мож-

но ли не аплодировать, когда на сцене открылась такая знакомая и родная, живая картина предгорной долины с юртами айла, на первом плане, а дальше, за ними — громады киргизских гор, сверкающих снежными вершинами на фоне синего звездного неба? Звучит мелодичный хор девичьих голосов. На сцену выходит красавица Айша. Начинается действие.

Кто создал эту панораму величественных гор Тянь-Шаня, красивую и впечатляющую картину киргизской земли?

Это сделали мастера театрального оформления во главе с главным художником театра, заслуженным деятелем искусств А. В. Арефьевым.

Осенью 1947 года в Киргизский театр оперы и балета пришел скромный человек. Это был только что демобилизованный гвардии капитан запаса Анатолий Арефьев. В театре Арефьев стал художником-исполнителем. Клеевыми красками, на огромных холстах, большими кистями писал он декорации, осуществляя то, что задумывали в своих эскизах художники — авторы оформления спектаклей.

Молодой исполнитель много работал, развивал художественное чутье, вкус, постигая законы сцены. Он много читал о больших мастерах театрально-декорационной живописи, учился и у тех художников, под руководством которых работал.

В 1948 году театр включил в свой репертуар «Травиату». Руководство театра пошло на смелый шаг: эскизы декораций было поручено сделать Арефьеву. Так постановка знаменитой оперы Верди стала первой самостоятельной работой молодого художника.

«Травиата» прошла с успехом. Молодой художник выдержал серьезное испытание. В 1949 году Арефьев был назначен главным художником орденоносного театра, и он целиком отдается этому увлекательному и трудному делу.

Работа над «Лебединым озером» была новой школой для художника.

За «Лебединым озером» последовала работа над «Кармен» и украинской оперой «Запорожец за Дунаем», а затем — оформление балета «Красный мак» и оперы «Пиковая дама». Каждая новая работа ставила перед художником все новые задачи. «Красный мак» — оформление этого исполненного поэзии и мужественной романтики красочного музыкально-хореографического повествования о дружбе советских и китайских людей, о подвиге юной Тао-Хоа потребовало хорошего знания архитектуры и живописи Китая, китайского пейзажа, быта, костюма. Пришлось писать морские пейзажи для больших фоновых задников, делать многочисленные эскизы, чтобы добиться убедительного и впечатляющего изображения на сцене могучего корпуса советского корабля, входящего в китайскую гавань. Надо было точно учитывать законы живописной перспективы, столь важные для сценического оформления. Это удалось Арефьеву. Вот уже в течение шести лет «Красный мак» не сходит со сцены театра, и зритель с радостью рукоплещет и поэтической Тао-Хоа — Б. Бейшеналиевой, и мастерству художника, создавшего надолго запоминающиеся декорации.

Серьезным испытанием для художника была следующая его работа — «Пиковая дама» П. И. Чайковского. Немеркнущие образы пушкинской повести, потрясающая душа музыка, чрезвычайно эмоциональная насыщенность оперы требовали нового решения. Мир образов «Пиковой дамы» захватил художника целиком. Все новые эскизы рождались в долгих творческих обсуждениях с постановщиком В. Я. Васильевым.

Оформление «Пиковой дамы» стало одной из лучших работ Арефьева. Он превосходно справился здесь с трудной задачей — решения интерьеров, внутренних про-

странств помещений, в которых протекает почти все действие оперы. Зритель надолго запомнил созданную художником парадную перспективу дворцового зала со строгими линиями уходящих в глубину полуколонн, с изумными очертаниями точечных балюстрад, пышными люстрами и величественными складками занавесов. Золотистые тона мрамора и красноватые — драпировок, умелое использование света — могучего средства художественной выразительности — всё создавало глубоко впечатляющую, красивую картину.

Не так уж велик, казалось бы, стаж художника — всего семь лет работает он в театре. Но за эти годы оформлено уже двадцать четыре спектакли. Среди исполненных работ — декорации к произведениям оперной классики — «Фаусту», «Русалке», «Севильскому цирюльнику», «Риголетто», спектаклям «Чолпон», «Анар» и другим. Не все и не всегда удавалось художнику. Но дорого главное — его постоянное стремление к созданию монументального, яркого театрального зрелища.

К 1951 году относится важная и для Арефьева и для театра работа — постановка оперы Власова, Малдыбаева и Ферэ «На берегах Иссык-Куля». Это был первый для художника спектакль, действие которого разворачивалось в наши дни, на джайлоо Киргизии. Героями оперы на этот раз были уже не принцы и тореадоры, не графы в пудренных париках и дамы в ослепительных туалетах, а наши современники, киргизские колхозники, недавние фронтовики, простые люди — труженики Советского Киргизстана. Арефьев с увлечением принялся за работу. Он ездил по республике, побывал на берегах озера Иссык-Куль, знакомился с жизнью и бытом колхозников. Опера о людях Советской Киргизии прошла с успехом, и большая доля этого успеха по праву принадлежала автору оформления спектакля.

Большую творческую радость принесла Арефьеву одна из последних его работ — оформление оперы Бородин «Князь Игорь». Он

выступил в оформлении «Князя Игоря» уже как опытный мастер. Костюмы, мебель, утварь, с размахом написанные пейзажные фоны, превосходно выполненные архитектурные декорации — все служит созданию исторически верной картины далеких времен, способствует усилению героического звучания спектакля.

Арефьев отлично знает технику сцены, ее возможности, знает и ценит труд бутафоров, портных, художников-исполнителей, осветителей, столяров и других тружеников театра, всех тех, кто вместе с ним оформляет спектакль. Работники цехов, мастерских театра всегда находят в главном художнике внимательного и знающего советчика в любом деле: жасается ли дело окраски ткани, которая будет на сцене изображать мрамор, или рисунка мебели, или нового способа изготовления бутафорского жемчуга для костюмов вельмож. Став главным художником, Арефьев не перестал участвовать в непосредственном исполнении декораций — мы видели его в огромном зале театрального комбината вместе с помощниками за работой над холстами задников к балету «Эсмеральда» (заметьте здесь, что для декораций к этому спектаклю пришлось заполнить живописью около трех тысяч квадратных метров ткани). Член художественного совета, он участвует в обсуждении нового репертуара, в решении всех важных творческих вопросов. Коммунисты театра избрали Арефьева членом партийного бюро.

Художник полон сейчас новых творческих планов, идей, замыслов. Среди них — предстоящая вскоре большая работа над оперой о Токтогуле, оформление «Простанной невесты» чешского композитора Сметаны, осуществление давней мечты художника — создание декораций к «Борису Годунову».

А. БОРОВ.